

МИШКА АССАЯС (Michka Assayas)

Золото, призраки и новобрачные

Новелла из сборника «Новые новеллы Азербайджана» под редакцией Мишки Ассаяса (Mishka Assayas) Издательство (Editions) Intervalles.

Название деревни не фигурировало даже на GoogleMaps. У меня было лишь фото, напечатанное на листе А4, благодаря мадам G, с которой я встретился на приеме Total в Баку: пиксельный черно-белый, словно выцветший, портрет улыбающегося беззубого старика, за исключением одного переднего золотого зуба. Я положил свой блокнот на край камина и быстро записал: «Спросить от имени господина и госпожи G. Абдул Манафа... Он принял их по случаю Новруза, праздника наступления весны... Живет на дороге на еврейское кладбище в *Хыналык*... Название деревни: Аник... Дом напротив суннитской мечети с остроконечным куполом, перед ней куча дров... Все люди в деревне хотели дать им ключи от мечети, но ни у кого не было ключей...»

На следующий день я поехал на север страны, в Губу, туда, где начинаются горы. У меня было две цели.

Первая официальная: посмотреть, на что похожа Красная Слобода («Красный городок»), маленький город, который в мусульманской стране приютил старинную еврейскую коммуну из нескольких тысяч жителей.

И вторая, необычная, продиктованная случаем: найти призрачное село Аник, близко расположенное, и его загадочную мечеть с остроконечным куполом, от которой ни у кого нет ключей, и к которой у меня был лишь один Сезам: лицо и имя беззубого старика.

Отдалиться от Баку все равно, что выехать из Лас-Вегаса. Очень быстро – пустыня.

Проехав мимо нескольких поселений с балконами, изуродованными антеннами и кондиционерами, четырехполосная дорога пролегает мимо пустой земли. Встречаются еще несколько продавцов цветов под мостами, но присутствие людей быстро исчезает, и вскоре различима лишь полупустыня цвета желто-коричневого, ржавого, охры или реже, миндально-зеленого. Коровы прогуливаются, не находя корма. Олень и олененок на краю дороги вызывают недолгое замешательство, но потом понимаешь, с некоторым опозданием, что это вырезанные изображения, чтобы предупредить путешественника о том, что здесь начинается царство животных. Стадо баранов потерянного вида рядом с заправкой, или путник на лошади, возникший из другого времени, скачущий галопом по краю автобана, но это, похоже, все.

Мы едем вдоль большой площадки с высокими ржавыми цилиндрическими емкостями; как мне объясняет молодой гид, в них находился секретный запас нефти во время Второй мировой войны. Еще несколько разрозненных нефтяных вышек видны в этой местности.

Рядом с Губой горы все ближе, и жизнь возрождается.

Везде постройки, некоторые не завершены и окружены высоким забором. В Азербайджане стену забора возводят прежде всего, раньше фундамента дома, вместе с воротами (чаще из кованого металла). И не важно, если они открываются на пустую аллею с кучей камней посередине. Появляются цветники, огороды. Фруктовые сады и даже виноградники. Стада более откормлены в сравнении с окрестностями Баку.

Магазины мебельные, бытовой техники, покрышки перед гаражами указывают на наш приезд в пригород Губы. Но мы направляемся не туда. С другой стороны широкой реки Гудиялчай (или Кудьял) располагается у подножия невысокой горы «Красный городок», чье современное имя звучит как Qırmızı Qəsəbə (*Красная Слобода* с азерб.). Сюрприз: похоже на город-призрак. Мы медленно едем мимо низких домов, как в городке вестерна. Некоторые кажутся княжескими, другие обветшалые, скорее ржавые, чем красные. Несколько молодых праздных людей сидят с полузакрытыми глазами на пластиковых стульях перед магазинчиком. Мы пересекаемся с машиной с треснутым ветровым стеклом, едущей на небольшой скорости. Шофер, похоже, заблудился.

Рядом с садом ароматных роз нас ждет наш гид: немолодой, но крепкий мужчина, с усталым и хитрым видом, пахнущий холодным табаком. Он не представляется и ведет нас к самой большой синагоге города: высокой квадратной постройке из бежевых кирпичей, с верандой с деревянными перекрытиями, возведенной над маленькой стеной розового цвета и продолженной металлическим навесом. Внизу, вдоль пустынного шоссе вооруженный полицейский ходит взад-вперед. Вокруг нас пейзаж из долин и округлых вершин с буйной растительностью.

Я выражаю свое восхищение духом терпимости, который, похоже, царит между общинами. Мужчина тут же поправляет меня: «Мы не соглашаемся с термином «терпимость». Мы используем слово «дружба».

Внутри обширной и строгой синагоги я сажусь на край длинной деревянной скамьи. Он стоит, как учитель. Пока он говорит, мой взгляд обнаруживает в углу сморщенную книгу молитв, словно погрызенную мышью. Дальше, на другой скамье, выстроились в ряд, словно маленькая семья, три длинных рожка для обуви.

Голос мужчины суров: «Раньше, в VI веке, здесь жили горские евреи. Их язык *juhuri* (джуури) являлся смесью ассирийского и персидского, с остатками арамейского, иврита и турецкого. Это были семьи выходцев из северного Ирана, убежавшие от преследований шаха. Они были ткачами, занимались ковроткачеством или коммерцией. Они нашли здесь защиту хана и жили на равных с мусульманами. Мусульмане не были враждебны к монотеистам, платившим налоги их правителю».

Я удивлен, мы находимся рядом с русским Дагестаном и поблизости от Чечни, земель, где исламские радикалы укоренились, борясь против центральной власти. Каким чудом эти столкновения, не говоря уже о тех, что происходят на Ближнем Востоке между израильским государством и палестинским движением, не распространились досюда.

Мой собеседник смотрит в пустоту, не понимая, что я хочу сказать, и продолжает: «Я родился в 1949 году. Здесь никогда не было конфликтов. Мир царит между разными районами. Мусульмане празднуют наши праздники вместе с нами и наоборот. Наши азербайджанские друзья едут с нами путешествовать по Израилю. Наш город называют Иерусалимом Кавказа».

На входе, рядом с разными фотографиями отца и сына Алиевых, приветствующих руководителей общины, рисунок, изображающий две руки, пожимающие одна другую, один из рукавов рубашки украшен израильским флагом, другой – азербайджанским. Мой собеседник говорит только хорошее о Гейдаре Алиеве: «Он вернул синагоги евреям. Их оставалось лишь две в советскую эпоху, другие были переделаны: одна – под школу, другая – под поэтический клуб, еще одна – под ткацкую мастерскую. Та, где мы находимся, самая большая, построенная в 1888 году, была совершенно разрушена, прежде чем стать фабрикой по производству носков. Ее начали восстанавливать благодаря пожертвованиям населения». Некоторые из них были значительными, поскольку несколько уроженцев города отличились в бизнесе. Двое из них даже фигурируют в списке Forbes, как самые большие состояния в мире: «Они создали благотворительный фонд, и все здесь гордятся ими...».

Чтобы показать мне, что беседа закончена, мужчина ведет меня в *Святая святых*. Он отодвигает панель и занавес. Я разглядываю цилиндр из кованого металла, в котором находится доисторическая *Тора*.

Когда я собрался выйти, я обнаружил под тентом, продолжавшим веранду, гирлянду, сделанную из металла. Сквозь ажурную звезду Давида я вижу, как вырисовывается с поразительной четкостью, в маленьком масштабе, соседняя мечеть, словно на прицеле.

Особо возбуждает в путешествии, где все организовано, внезапно сделать то, что не было предусмотрено.

Гид и шофер вдруг стали похожи на озорных детей. Поискать Аник, деревню Абдул Манафа, поболтать десять минут с разными прохожими, чтобы узнать у них дорогу, продвигаться вперед, возвращаться назад, поворачивать. Для них это что-то вроде запретной игры в поиски сокровищ.

Внезапно небо опустилась у нас над головами. В вершинах гром ворчит, словно бросая нам вызов. Неожиданная враждебность климата делает поиск более захватывающим.

Мы следуем по разбитой тропе, поднимающейся вдоль потока. Стоящий поперек дороги большой ржавый грузовик выцветшего голубого цвета похож на доисторического монстра, охраняющего дорогу, ведущую в деревню. Однако совсем не похож на грозного цербера улыбающийся шофер. У него не хватает половины зубов, другая половина золотая. Наше вмешательство кажется ему удачным развлечением, и он предлагает нам пообедать с ним. Время поджимает, мы должны двигаться вперед.

Мы медленно едем вдоль изгородей из переплетенных веток, похожих на развернутый нескончаемый венок из колючек. Малая скорость позволяет различить различный мусор, усеивающий обочину, в частности, обувь.

А потом возникает видение из другого времени. Нам навстречу выходит женщина, одетая в традиционное платье насыщенного кобальтового цвета, несущая оловянную *джару*¹. У женщины свирепый взгляд, как на фотографиях родовых племен, сделанных исследователями в конце XIX века. Другая, тоже одетая в костюм, словно сошедший с витрины музея ковров (и ткачества) в Баку, толкает тележку.

Мы идем шагом. Тропинка сужается, чтобы превратиться в центральную аллею деревни. Деревня состоит из нескольких простых квадратных цементных домов с крышами из гофрированного толя. Один или два дома украшены рогами козла. Несколько красивых стен из камня еще стоят, частью разрушены. Невозможно ехать дальше. Стайка маленьких цыплят пробегает между ногами. Два теленка свободно резвятся, словно приглашая друг друга на состязание. Внезапно появляется мужчина на белой лошади, тянущей прицеп, нагруженный камнями, двое детей радостно прыгают рядом с ним. Они смотрят на нас, смеясь, в то время, как гром все ближе в горах над нашими головами. Все виньетки собираются в моем мозгу, чтобы превратиться в сцены паноптикума, как в китайском свитке.

Мечеть, квадратная и массивная, как синагога, там же, со своими прекрасными стенами цвета земли. Остроконечная крыша, как и описывала госпожа G, сделана словно из рыбьих чешуек. После новых переговоров нашего шофера с одним из жителей, мы выясняем, у кого есть ключ. Молодой человек в резиновых сандалиях и белых носках приходит, почти бегом, чтобы открыть нам дверь. Мы заходим в пустую мечеть. Она кажется заброшенной, чудом сохранившейся, как доисторический грот. На обветшавших стенках, кроме декора с фруктовыми мотивами, бордюры, бегущий рядом с полом, представляющий собой идеальные водные пейзажи, свободные от всякого присутствия человека, восходящие, несомненно, к концу XIX века.

¹ Джара – сосуд, обычно глиняный, предназначенный для хранения жидкостей или зерна. Напоминает амфору, но отличается от неё более приземистой формой и большими размерами.

Выходя, я протягиваю нашему случайному гиду лист А4 с немного разорванной фотографией Абдул Манафа. Мужчина указывает на дом, на противоположной стороне, прямо напротив мечети, я мог бы догадаться. Это массивная конструкция, где лишь второй этаж кажется обитаемым.

Мужчина поднимается по лестнице, ведущей на террасу. Старик, немного согнутый, в черной кепке выходит и показывает нам жестами, что приглашает нас подняться.

Не похоже, что наш приезд его удивил. Такое впечатление, что он ждал именно нас. Господин и госпожа G предупредили его? Его внезапное появление в деревне, о которой я ничего не знаю, кажется организованным и подготовленным, словно в телевизионной игре поиска сокровищ. Сам я не знаю, во что играю, и наша предстоящая встреча представляется мне символом чего-то непонятного. Столкновение Востока и Запада? Постмодернистского западного с деревенско-восточным постсоветским? Гражданина мира среднего возраста со старым религиозным мусульманином, ни разу не выезжавшим за пределы своей деревни? Мне боязно. У него дома, что мне сказать ему?

Абдул Манаф улыбается, не произнеся ни слова, когда я показываю ему напечатанное фото, и гид напоминает ему о визите французской пары на Новруз. Какой бы абсурдной ни казалась ситуация, он не смущен.

Мы заходим в очень простой интерьер, напоминающий фургон. В момент нашего прихода он дремал на топчане перед включенным телевизором, маленькой модели с выпуклым экраном 1980-х годов. Он предлагает нам чаю и просит дочь принести нам поесть: небольшие хлебцы и огурцы – но никто не притронется к ним.

В узкой комнате, где мы устроились, два украшения на стене: карта Азербайджана и небольшой ковер в оранжевых тонах, изображающий стадо оленей. Наш диалог продлится около получаса, старый человек прервался на мгновение, чтобы проверить свое давление с помощью аппарата, издававшего звук электрической бритвы.

Абдул Манафу 87 лет, и у него действительно один-единственный зуб – золотой. Он всегда жил в этой деревне, где он родился и женился (в настоящее время он вдовец). Он учил математике. Он никогда не уезжал из Азербайджана, упомянул лишь одно путешествие на юг страны. Он отметил немного изменений в Аник со дня своего рождения. Электричество провели в 1952 году, но оно работает хорошо только с недавних времен. Раньше вода поступала из источников или с собранного жителями в цистерны снега.

Я спрашиваю его о мечети и о религиозности жителей в советскую эпоху, во времена, когда религия была запрещена.

Внезапно глаза его зажигаются: «Во времена Сталина двенадцать семей приехали, чтобы поселиться здесь. Они решили совершить хадж, паломничество в Мекку. Они уехали на лошадях, на верблюдах».

В изумлении смотрю на него: хадж при Сталине? Но как они смогли выехать из Азербайджана?

Старик улыбнулся: «По обычной дороге. У Сталина были другие заботы. Им понадобился год для хаджа».

Я представляю себе фильм, повествующий о невероятном караване в разгар расцвета советов и коммунизма.

Энергия Абдул Манафа потихоньку убывает.

Его молчание заставляет нас почувствовать, что пора уходить.

Последний луч энергии рождается в его глазах, когда он встает, чтобы попрощаться с нами: «Если бы я знал раньше, что вы приедете, я бы зарезал барана для вас...».

Обратная дорога проходит в мрачном молчании.

Слабый дождь распыляет несколько капелек, не упавших на сухую землю. Дворники размазывают тонкий слой грязи по ветровому стеклу. Мы покупаем клубнику у торговки. Не кислые, редкой свежести, у них вкус, похожий на вино.

Прежде, чем вернуться в Баку, я предлагаю сделать крюк по северной магистрали в Балаханы, чтобы посмотреть на исторические нефтяные колодцы, о которых мне говорили, что они являются одним из самых впечатляющих пейзажей Азербайджана.

Дорога вскоре упирается в железный забор, вдоль которого она протекает. Отверстие позволяет нам проехать по песчаной дорожке. Мы попадаем в поразительную зону. Длинная пустошь приблизительно в 10 километров простирается до горизонта. Обширный пейзаж из доисторических вышек, словно кладбище заржавленных мачт, погруженных в охряной песок осушенного моря. Эксплуатируя эти античные колодцы, качающие приблизительно всего три барреля в день, семьи живут здесь в разбросанных трущобах, выстроенных между лужами черного цвета, отливающего радугой. Запах мазута. Дети на велосипедах и бродячие животные бродят между кучами мусора. Мой взгляд окидывает зону и фотографирует старуху в косынке, сидящую на пластиковом стуле перед хижинкой. Необычная вывеска указывает на парикмахерский салон. Плакаты по обочине дороги предупреждают о запрете на фотографирование. Тогда я замечаю вертолет, летающий над нашими головами.

Мы продолжаем свой путь в направлении Сумгайыта, севернее, по берегу моря. Вдоль нефтепровода пастух на лошади ведет стадо. Едем по маленьким улочкам, приближающим нас к побережью, проезжаем мимо лавки мясника, занятого обдиранием шкуры с ягненка, повешенного на крюк на открытом воздухе. Две лошади, одни, переходят дорогу, ведущую к пляжу. Внизу видны перемежающиеся морские кабинки детских цветов, как в детских играх, там и тут несколько ресторанов напротив моря. Черные внедорожники как попало припаркованы на пляже, иногда в метре от волн. Люди смотрят на море, но мало смельчаков, рискующих искупаться в водах Каспия, даже в комбизоне сёрфера. На это есть причина: именно здесь находился нефтехимический комплекс, закрытый в 90-е годы, индустриальная целина, одна из самых загрязненных в мире. Громадная стена из бетонных блоков стоит, чтобы скрыть комплекс.

Я иду к забору, где обнаружил несколько отверстий. Подхожу и вижу лабиринт из ржавых труб, бегущих по огромной поверхности: заброшенный завод Сумгайыта. Сильный запах растворителя ударяет в нос и горло, но любопытство – очень сильный магнит. Наклоняюсь и смотрю через большее, чем другие, отверстие, безуспешно пытаясь отфильтровать острый запах из моих сжатых ноздрей. Необычный спектакль бросается в глаза, готовый кадр, словно ждущий, что его снимут. В чудесном угасающем свете мирно сидит старик спиной ко мне, на небольшом возвышении холмистого участка. Он пасет стадо коров, медленно и осторожно бродящих посреди ржавых труб, жующих траву, между разлагающимися растворителями.

Вот я слышу звук машины, остановившейся рядом с нашей, от которой я отошел на сотню метров. Оборачиваюсь. Из машины выходит персонаж, похожий на официальное лицо, в сером антрацитовом костюме. Похоже, он указывает на меня, говоря с гидом. Подхожу. Его голова немного похожа на голову Леонида Брежнева, бывшего руководителя Советского Союза в 1960-1970-х годах. Он работник муниципалитета и спрашивает меня, кто я такой, и что я здесь ищу. Мои ответы не радуют его, но постепенно он, похоже, успокаивается. У меня дружеское поведение. Внезапно он поднимает бровь, что соответствует улыбке на его угрюмом лице: «Садитесь ко мне, вы увидите, что в Сумгайыте есть и другое, что посмотреть...». Я подчиняюсь. Этот человек желает мне добра. Он говорит мне, что его отец умер за Францию. Я не решаюсь спросить у него, почему и как. Наша машина едет позади. «О Сумгайыте говорят плохо, но вы увидите, что это умный город...».

Проехав вдоль проспектов, похожих на такие же проспекты в пригородах западных стран, где новые офисные здания соседствуют с супермаркетами, машина останавливается. Мы стоим перед большим пафосным зданием таинственного назначения. «Идемте со мной, я вас приглашаю на азербайджанскую свадьбу».

Я захожу за ним во дворец, вроде дворца из «Тысячи и одной ночи» совершенно нового, королевского размера, хотя и пахнет шашлыком на входе. Поднимаюсь по лестнице из цветного мрамора, захожу в огромный зал для приемов, чувствую себя попавшим в феерию. Вижу длинные банкетные столы, уставленные едой и напитками, словно размноженными системой зеркал, с сотнями веселых людей, яркими цветами и музыкой. Все лица, одинаково доброжелательные, поворачиваются ко мне. Рядом с официальным лицом я кажусь себе иностранным господином, приехавшим с визитом. Женщины танцуют в веселом беспорядке, бегают дети, и группа музыкантов, играющих на сцене в глубине зала, уважительно качает головами, чтобы поприветствовать мое прибытие. На меня наставляют видеокамеры. Пара молодоженов, словно на выставке, сидит за высоким столом, покрытым белой кожей. Купаюсь во всеобщем ликовании, чистом, словно детском; радость, музыка, теплота и симпатия переполняют меня. Настаивают на том, чтобы я сел за стол, пил, ел вместе с гостями. Спешат угостить меня всеми блюдами, но не задают мне ни одного вопроса из опасения побеспокоить меня. Мое волнение внезапно становится настолько сильным, что горло сжимается, и мне хочется любить всех на Земле.

А затем я выхожу в сумрак, совершенно оглушенный, словно после рок-концерта, опьяненный обезоруживающей теплотой. Говорю себе, что встретил один из самых щедрых народов мира, и обещаю себе, словно пьяница, никогда не забыть тех, кто меня принял. Делаю несколько шагов, словно для того, чтобы протрезветь.

В кармане я нащупываю скомканный лист А4 с беззубым лицом Абдул Манафа и смотрю на него при свете телефона. Я прикладываю его лицо к мужчине, пасшему коров среди ржавых труб, которого видел только со спины. Они смешиваются. Они совпадают: жизнь, которая цепляется любой ценой в стране, истерзанной столькими потрясениями.

Тогда я оборачиваюсь к сверкающему сумгайтскому «Дворцу бракосочетаний», новенькому, словно светящемуся и вибрирующему от невинной радости. Световой хаос заполняет мою голову.

У меня впечатление, что я присутствую при появлении в конвульсиях вновь девственной страны.

***Перевод с французского
Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ***